

межэтническую напряжённость, берущую начало, прежде всего, в незнании и нежелании знать культуру живущего рядом народа.

Литература:

1. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Словарь иностранных слов. Под ред. Спиркина А.Г. – Москва: «Русский язык», 1979. – 622 с.
3. Язык. Культура. Этнос // РАН, Научный совет по истории мировой культуры. – Москва: Наука, 1995. – 233 с.

Поступила в редакцию 9.11.2002

КРЫМ КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ НАРОДОВ И КУЛЬТУР: ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОПИСАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ЕДИНИЦ

И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова

Таврический национальный университет им.В.И.Вернадского

В статье рассматриваются преимущества ситуационного (событийного) подхода к трактовке значений ключевых единиц, выделенных с целью описания Крыма как поликультурного пространства.

Ключевые слова: поликультурность, лексикон, тезаурус, образ мира, ситуационный (событийный) подход, ментальная модель, ключевая единица

У статті розглядаються переваги ситуаційного (подійового) підходу до трактування значень ключових одиниць, виділених з метою опису Криму як полікультурного простору.

Ключові слова: полікультурність, лексикон, тезаурус, ситуаційний (подійовий) підхід, ментальна модель, ключова одиниця

The article deals with the merits of the situational approach to the presentation of the meaning of key units chosen with the aim of describing the Crimea as a multi-cultural region.

Key words: multiculturality, lexicon, thesaurus, view of the world, situational approach, mental model, key unit

«И крымские люди – как сны неразгаданные, неистолкованные ...»

С.Елпатьевский

Крым представляет собой поликультурное пространство, на котором продолжается начатый в глубокой древности диалог культур. Именно тесное соприкосновение различных культур на таком маленьком участке земли определяет его уникальность и колорит. В течение нескольких тысяч лет культуры Малой Азии и Балкан, Северного Причерноморья и Закавказья оказывались связанными настолько, что это позволило учёным говорить о так называемой Циркумпонтийской зоне. По мнению многих, эта территория – место активизации протоиндоевропейцев, общих предков половины сегодняшнего населения мира, и наиболее вероятная территория формирования индоевропейских языков. Таким образом, Крым рассматривается не только как перекрёсток путей мировых цивилизаций, но и как центр, фокусирующий территорию огромной исторической значимости для всего мира.

Это обстоятельство позволило М.Волошину увидеть Крым как «остров, отделённый от материка гниющими Меотийскими болотами, солончаковыми озёрами, узкими песчаными косами, а море вбирающий в себя глубокими бухтами, проливами, гаванями. Материк был для него стихией текущей и зыбкой – руслом Великого океана, по которому из глубины Азии в Европу текли ледники и лавины человеческих рас и народов [Курсив наш. – И.Б.,Т.Н.]. Море было стихией устойчивой, с постоянной и ровной пульсацией приливов и отливов средиземноморской культуры ... Отсюда двойственность истории Крыма: глухая, провинциальная, безымянная, огромная, как всё, что идёт от Азии, – его роль как степного полуострова; и яркая, постоянно попадающая в самый фокус исторических лучей – роль самого крайнего сторожевого пункта, выдвинутого средиземноморской Европой на Восток» [3, с.127].

Крым был местом встречи почти всех основных культур древности (эллинской, индо-иранской, иудаистской); культур средневековья (византийской, мусульманской, итальянской, армянской)

кой), свой культурный след оставили здесь народы Скифии и Сарматии. По мнению многих историков, Крым является своеобразным «перекрёстком культур и народов» и необходимо осмысление миссии, отведённой ему в контексте мировой истории. В судьбах народов, соприкоснувшихся с Крымской землёй, она играла, по мнению Т.М.Фадеевой, роль культурного импульса, способствующего самораскрытию этих народов [8].

Народы и культуры – ключевая тема для Крыма, ибо она обеспечивает воспитание толерантности и уважения ко всем культурам и верованиям, соприкоснувшимся на маленьком пространстве. «Слишком тесен стал мир, сильна миграция, интенсивно смешение рас и народов, взаимозависима экология. Современные народы вынуждены жить рядом и вместе, поэтому они вынуждены уживаться друг с другом – вырабатывать в каждом человеке терпимость к «инаковости», уважение к правам живущих рядом людей другого языка и другой культуры» [6, с.98]. На это направлены и рекомендации Совета Европы по формированию базовых компетенций, которые необходимы сегодня любым специалистам. В контексте обучения иностранным языкам эти компетенции приобретают особое звучание, поскольку касаются жизни в поликультурном обществе и призваны препятствовать возникновению ксенофобии, распространению климата нетерпимости, призваны способствовать как пониманию различий, так и готовности жить в мире с людьми других культур, языков и религий. Важными представляются также компетенции, реализующие способность и желание учиться всю жизнь, не только в профессиональном плане, но и в личной и общественной жизни. Развитие стремления учиться всю жизнь, обновляя и совершенствуя полученные знания, умения и навыки применительно к изменяющимся условиям, обеспечивает мобильность человека в обществе и становится гарантом успеха и социальной защищённости. Следовательно, уже полученное образование должно отличаться фундаментальностью, а не просто узкопрагматической направленностью, а значит, должно подготовить человека к подобным изменениям [7].

Обращаясь к краеведению, мы ставим целью сформировать у учащихся прочное представление о Крыме как о поликультурном регионе, составляющие которого закладывались на его территории в ходе всего исторического процесса, начиная с древнейших времён. Это возможно сделать, выделив и расположив в хронологической последовательности названия основных племён и народов, имевших отношение к Крыму. В дальнейшем выделенные названия будем рассматривать в качестве ключевых слов-стимулов, способных порождать определённые ассоциации. Если обратиться к системе, выстроившейся в результате выявления таких отношений (слово-стимул – ассоциат), то перед нами окажется семантическая сеть, которая, с одной стороны, позволит понять сплетение различных культур и народов на территории современного Крыма как итог их многовекового движения и оседания на полуострове, с другой стороны, свяжет историю Крыма с ходом развития мировой цивилизации в целом.

Следует, однако, избегать перенасыщения занятий краеведческими фактами и информацией. Поэтому нужно чётко определить информативный и лексический минимумы по краеведению, чтобы краеведческая информация укладывалась в общие фоновые знания всех носителей языка. Отметим, что со стороны преподавателя «обучение выступает одновременно и как «воспитание» в смоделированной им системе отношений, соответствующей его собственной философии познавательного процесса» [1, с.9].

Кроме того, рассматривая историческое и этническое своеобразие Крымского полуострова, необходимо опираться на «знание специфики поведения учащихся при усвоении ими предлагаемой культуроведческой информации» [2, с.17], а также учитывать их национальный культурно-страноведческий опыт, цели и задачи обучения, уровень языковой подготовки.

Знакомство с историей Крыма требует семантизации достаточно большого количества языковых единиц, которые нуждаются в упорядоченности и систематизации, особенно если это касается учебных целей. Как отмечает Ю.Н.Караулов, «всякий акт семантизации (в сфере деятельности лингвиста) не замыкается в пределах актуализованных смыслов произнесённых или написанных слов, но требует обращения к так называемым знаниям о мире» [5, с.165].

Если учесть, что структуру языковой личности можно рассматривать в лингводидактических и теоретико-лингвистических целях как складывающуюся из трёх взаимопроникающих уровней: вербально-семантического (лексикон), лингво-когнитивного (тезаурус) и мотивационного (прагматикон) [5, с.238], то в практике обучения языку тезаурусный уровень представляется нам определяющим, особенно в тех случаях, когда формируется дополнительный, новый фрагмент системы знаний о мире, а вербально-семантический уровень «реагирует» расширением словарного запаса. Таким

образом, с одной стороны, пополняется тезаурус, а с другой стороны, предоставляется возможность описать этот фрагмент образа мира с использованием средств изучаемого языка.

С целью оптимизации процесса получения и фиксации новой информации, она должна быть уложена в блоки. Такое представление информации А.А.Залевская определяет как ситуационный (событийный) подход к трактовке значения слова, суть которого в том, что «для каждого пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объёмную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную модель и т.п.» [4, с.114].

Каждое событие (ментальная модель) репрезентируется как цельное и многомерное образование, которое можно представить в виде пирамиды: вершиной её является ключевое слово, которое служит стимулом к развёртыванию темы и ситуации.

Обязательным условием успешности взаимопонимания при общении будет сформированность индивидуальной картины мира обучаемого, обеспеченная сочетанием языковых и энциклопедических знаний. В целом, как отмечает А.А.Залевская, «ситуационный подход увязывается, с одной стороны, с понятиями репрезентации и ментальных моделей, с другой – с проблемой взаимодействия языковых и энциклопедических знаний как средства выхода на целостную картину мира» [4, с.116]. Так, без понимания ключевых слов, стоящих на вершине пирамиды (ментальной модели), семантическая ценность составляющих этой модели может оказаться пустой.

Например, семантическая ценность таких реалий, как **позднескифское царство, Неаполь Скифский, царь Скилур**, определяется пониманием ключевого слова *скифы*. В данной ментальной модели слово *скифы* является стимулом, а реакции на него – **позднескифское царство, Неаполь Скифский, царь Скилур** – следует квалифицировать как тематико-ситуативные, т.е. отражающие тезаурусные отношения, или знания о мире.

Фактически здесь речь идёт об отдельном ассоциативном поле, которое представляет собой фрагмент вербально-семантической сети, где связи между стимулами и реакциями на них могут быть следующих типов: семантико-грамматические, тематико-ситуативные (тезаурусные) и оценочно-прагматические [5, с.239].

Мы группировали лексику, избрав понятие *поликультурности крымского пространства* в качестве доминанты. Это не исключает возможность группировки сведений по темам *Природа Крыма, Города Крыма, Исторические события, Персоналии* и т.п. Но именно при рассмотрении поликультурности крымского пространства наиболее ощутима роль Крыма как «перекрёстка народов и культур». Историю творят люди, и в центре внимания должен оказаться, согласно логике, человек. Крым как раз представляет собой такое поликультурное пространство, на котором, как уже было отмечено, в ходе исторических событий переплелись судьбы многих народов и их культуры.

Достаточно убедительно, на наш взгляд, истоки поликультурности Крыма можно показать, используя следующую схему, построенную на основе выделения ключевых слов-стимулов.

ИСТОКИ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ КРЫМА (фрагмент)

Первобытный человек

стоянки: Киик-Коба
Старосельская
Волчий грот
Качинский навес
Сюреньский навес

Киммерийцы

Восточный Крым

Тавры

Таврида, Таврика

Скифы

позднескифское царство
Неаполь Скифский
царь Скилур

скифские племена

Древние греки

Пантикапей (Керчь)

Керкинитида (Евпатория)
 Херсонес (Севастополь)
 Феодосия
 Боспорское царство
 Херсонес
 город-государство (полис)
 античные города

Литература:

1. Аникина М.Н. Современный учебный комплекс по русскому языку как иностранному для начального этапа: авторский вариант, истоки // Тезисы Международной конференции «Современный учебник русского языка для иностранцев (теоретические проблемы и прикладные аспекты)». – М.: МАКС-пресс, 2002.–С.9-10.
2. Барыкина А.Н. К вопросу о межкультурной коммуникации при работе с учащимися начального этапа обучения // Тезисы Международной конференции «Современный учебник русского языка для иностранцев (теоретические проблемы и прикладные аспекты)». – М.: МАКС-пресс, 2002.–С. 17-18.
3. Волошин М.А. Культура, искусство, памятники Крыма // Путеводитель по Крыму / Под ред. И.М.Саркизова-Серазини.–М., 1924.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику.– М., 1999.– 382 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность.– М.: Наука, 1987.– 264 с.
6. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика.– М.: Аспект Пресс, 2000.– 207 с.
7. Подготовка учителя иностранного языка с учётом современных тенденций обновления содержания образования // Иностранные языки в школе.– 2001.– №4.– С.8-12.
8. Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2000.– 304 с.

Поступила в редакцию 12.01.2003

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО КОДЕКСА, ИЛИ О «РУССКИХ» МАКСИМАХ ОБЩЕНИЯ

Ф. С. Бацевич

Львовский национальный университет им. И. Франко

В статье рассматриваются проблемы этнокультурного проявления максим общения. Материалом исследования стали паремийные средства и тексты русской и украинской художественной литературы XIX – XX веков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативный кодекс, максимы общения

У статті розглядаються проблеми етнокультурного вияву максим спілкування. Матеріалом дослідження стали паремійні засоби і тексти російської та української художньої літератури XIX – XX століть.

Ключові слова: Міжкультурна комунікація, комунікативний кодекс, максими спілкування.

The focus of the paper is the problem of ethno-cultural manifestation of communicative maxims. Russian and Ukrainian texts of 19th -20th century fiction provide a basis for the investigation.

Key words: intercultural communication, communicative code, maxims of communications.

В литературе, посвященной проблемам коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, теории речевой деятельности, убедительно доказано, что любое межличностное общение – от непринужденного бытового до достаточно формализованного делового – опирается на веками отработанные *импликатуры дискурса*. Последние позволяют участникам коммуникации ориентироваться в процессах общения, порождать и понимать прямые и косвенные речевые акты, узнавать типы речевых жанров, следить за изменениями стратегий и тактик собеседников и т.п. Глубоко «погруженные» в процессы коммуникации, импликатуры дискурса «всплывают» на поверхность, позволяя их «ухватывание» и достаточно приблизительное дефинирование (в тер-